

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ ПОД ВОДОЙ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Черная тень под водой

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Черная тень под водой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-180064-2

Самые интересные романы о сталинском спецназе — СМЕРШе. Весна 1944 года. Капитан СМЕРШа Алексей Хабаров направлен в недавно освобожденный от немцев небольшой городок под Нарвой. Там за последние дни убиты председатель исполкома, начальник милиции и секретарь горкома. Есть подозрение, что в городе действует агентурная сеть абвера. Местные оперативники предполагают, что целью оставшихся в городе гитлеровцев является спасение застрявшей где-то у побережья немецкой подлодки с украденными в Петергофе ценностями. Хабаров привлекает к поиску вражеского подполья контрразведчиков ВМФ, не зная, что один из них сыграет в его операции роковую роль... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ — спецназ Сталина» — это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком. Общий тираж книг А. Тамоникова — более 10 миллионов экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180064-2

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Александрович Тамоников

Черная тень под водой

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Глаза неожиданно распахнулись. Прервалось «состояние, похожее на сон» – как он мысленно окрестил эти нашествия кошмаров и тоскливых видений. Организм в такие часы почти не отдыхал. Зрение обрело резкость, и вместо каши в голове появлялись ясные мысли. Обстановка не менялась. Он лежал на дощатых нарах, на которых лежали матрас и худая подушка. Крохотная камера-одиночка в изоляторе НКВД города Кингисеппа – стены в разводах, потолок с засаленной лампой, которую включали, когда не нужно. В проржавевшей двери было прорезано оконце – для подачи пищи и наблюдения за арестантами. В углу находилось крытое фанерой отхожее место – в общем, удобно, но зловонно, неэстетично и лишний раз не погуляешь. Выводили только на допрос.

Узник приподнялся, сел на нары. Ныли кости, болела ссадина на виске – результат вчерашней беседы со следователем. Сколько дней он здесь находился? Семь или восемь? Поначалу считал, потом сбился. Еду доставляли нерегулярно, окна отсутствовали. Узник был сравнительно молод, ладно сбит, но продолжительный арест не прошел даром – взгляд потускнел, щеки обросли щетиной, скомкались светлые волосы. Форма капитана Красной армии (за исключением ремня и фуражки) превратилась в отрепья. Отрешенный взор уперся в стену, до которой можно было дотянуться рукой. Сухие губы хрипло бормотали:

– Я капитан Красной армии Хабаров Алексей Владимирович, сотрудник третьего отдела Смерша, двенадцатого года рождения, нахожусь в районном изоляторе НКВД города Кингисеппа... по обвинению в халатности, перетекающей в сговор с врагом и измену Родине... Сижусь семь или восемь суток, сейчас предположительно утро... или день, нахожусь в здравом уме и ясной памяти...

Узник расслабился. Больше всего он боялся потери памяти, что является первым признаком умственного расстройства. Звоночки были: как-то после пробуждения он метался по камере, не мог вспомнить, где находится. Но сейчас все в норме. Что бы еще вспомнить? Не женат, родился в маленьком городке под Самарой – тогда еще не Куйбышеве; уже в сознательном возрасте переехал с родителями в Ленинград, отец преподавал, скончался в 38-м – не выдержало сердце; мама промучилась два года, заспешила к своему любимому Владимиру Михайловичу – просто зачахла от тоски. Грешно так думать, но, может, и к лучшему – не видели страшной блокады, унесшей сотни тысяч жизней... Еще что? Да, если фортуна повернется лицом (что маловероятно, но технически возможно), не забыть набить морду майору Дельцову – виновнику его ареста! Пусть и чревато новым арестом, но сделать это нужно обязательно...

Лязгнула задвижка, и приоткрылось оконце. Узник вздрогнул, взгляд переместился на дверь. В оконце возникла заспанная физиономия охранника. Служивый смерил взглядом сидельца и закрыл окно, воздержавшись от комментария. Все знали, что арестант – сотрудник Смерша. И лучше помалкивать, мало ли что. Вряд ли выйдет, но... благоразумие, возвращенное на страхе, порой сильнее любви к родному социалистическому государству...

Взгляд вернулся на исходную точку. Значит, рано приглашать на допрос. На стене напротив кто-то нацарапал бранную тираду в адрес советской власти. Надзиратели проглядели. А возможно, им было плевать. На другой стороне – еще одно послание – коряво, с наклоном влево: «Товарищи, умираю, но не сдаюсь...» Какие только люди не сидели в этих стенах. Возникало странное ощущение, что многих из них можно было и не сажать...

Состояние «здорового ума» приходилось поддерживать. В том числе физическими упражнениями. Алексей поднялся, сделал разминку. Закружилась голова, сел обратно. Но делать разминку надо – хоть до «стенки» добраться, но собственным ходом. Ясность в голове тоже приходилось тренировать. Он решал несложные математические задачи, вспоминал и проигрывал

сценки из жизни. Белые ночи, Нева, секретарь районной комендатуры Алла Боярская, которую он любил, невзирая на больную маму и ребенка от первого брака. Алла погибла во время бомбежки – вместе с мамой и ребенком. Он вспомнил, как тупо смотрел на то, что осталось от тел, и в душу забиралась тоска... Ленинградский фронт, Волховский, снова Ленинградский, бешеная мясорубка в районе Ладоги, когда немцы пытались вновь заблокировать город. Два ранения, маета по госпиталям, перевод из дивизионной разведки в новообразованный Смерш. В тылу орудовала целая сеть вредителей, фашисты не гнушались привлекать на свою сторону даже детей. Психика у них податливая, лепи, что хочешь, особенно если родители были кулаками, лавочниками или служили в Белой армии. В окрестностях Гатчины взяли банду малолеток, подбрасывающих взрывчатку в контейнеры с углем. Злобные волчата – жались друг к дружке, стреляли глазами, шипели, огрызались. А когда дошло, что это конец, стали обливаться крокодиловыми слезами. В советскую прессу такие факты не просачивались. От удивенного волосы вставали дыбом. Растерянные бойцы не знали, что делать с этими подарками. Расстрелять не поднималась рука. Таких убьешь – потом всю жизнь являться во сне будут. Проводили воспитательные мероприятия – лупцевали солдатскими ремнями. Потом сдавали, куда положено, старались забыть эти заплаканные детские лица...

Первого февраля войска наступающего Ленинградского фронта освободили Кингисепп. Германское командование сосредоточило на западе Ленобласти огромные силы: пять армейских корпусов 18-й армии Линдемана, 3-й танковый корпус, моторизованную бригаду СС «Недерланд». Но остановить Красную армию было невозможно. Освободили Лугу, Гдов, взяли плацдарм на берегу Чудского озера. Одну за другой громили дивизии противника. Пришло победное время – после череды отступлений и неудач. 42-я армия стремительно взламывала оборону. Под Кингисеппом, который штурмовали с нескольких сторон, взяли в клещи серьезную группировку, стали уничтожать ее артиллерией. Немцы яростно сопротивлялись – приказа отступить им не давали. Фюрер бился в припадках: удерживать Ленинградскую область до последнего солдата! Были уничтожены штабы армейских корпусов. В один из пунктов управления на окраине Кингисеппа, где находились генералы и штабные офицеры, прилетела дюжина тяжелых снарядов. В огне сгорела половина командования группировки. Опознать обгорелые тела не могли, но они, безусловно, радовали глаз. Оперативники контрразведки входили в город на плечах пехоты, выявляли оставшихся диверсантов, хватали разбегающихся офицеров. Передышка была недолгой. Войска наступали к Нарве, и контрразведку перебросили в действующие части. Круглосуточно работали с перебежчиками, с «языками», доставляемыми разведкой, с разоблаченными шпионами, предателями и прочей нечистью... Но наступление стопорилось, войска несли потери. Немцы перебрасывали на фронт свежие части: пехотные дивизии, моторизованные дивизии СС «Нордланд» и «Фельдхернхалле». На западном берегу Нарвы был захвачен плацдарм. Но дальше наступление не пошло. Десант на побережье Нарвского залива потерпел неудачу. Установилось затишье – враждующие стороны были вконец измотаны. И все же 18-я армия вермахта потерпела поражение, противника отбросили от Ленинграда на 250 километров, и никакого шанса вернуться ему не оставили...

В середине апреля капитан Хабаров со своими людьми вернулся в Кингисепп. Контузия, полученная при минном налете, подпортила здоровье. «Задумчивым становитесь, товарищ капитан, – подметил подполковник Васильев, подписывая приказ о переводе в тыл. – А надо меньше думать, больше работать». В тылу тоже было чем заняться. Лазутчиков в действующей армии было немного (постоянная ротация, смена дислокации), в тыловых же структурах они плодились как кролики. Клешни абвера тянулись в партийные и хозяйственные структуры, в гарнизоны, в ряды Рабоче-крестьянской милиции. Случались ошибки, брали не тех – некомпетентных сотрудников тоже хватало. Но дела старались не фабриковать, реальный враг доставлял серьезные хлопоты. Целого полковника вермахта захватили под деревней Хмаровой, в 15 километрах к западу от Кингисеппа. Местность болотистая, глухие леса. Отличилась

тамошняя ребятня – засекли пацаны, что кто-то таскает в Черную топь продукты и одежду. Местечко гиблое, трясины. Красноармейцы проложили гать в топь. Там явно кто-то прятался. Бой был скоротечный. Половину окруженцев перебили, остальные сдались. Народ изумлялся – надо же, Робинзоны Крузо! Снег уже растаял, но было холодно. Люди, загнанные в начале февраля в болото, выживали как могли, слепили подобие глиняной избы, печку. Удивленным взорам предстали полковник Реслинг, бригада которого полегла неподалеку, пара штабных офицеров, солдаты, троица полицаев, не давшая этим заморышам помереть с голоду. За два с половиной месяца они превратились в леших – оборванные, бородатые, одетые непонятно во что. В избушке нашли рацию с практически севшей батареей. Данный факт должен был насторожить, однако не насторожил. Из Кингисеппа для конвоирования прибыла группа: трое контрразведчиков и столько же рядовых бойцов. Задание казалось пустячным, ведь действие происходило в глубоком советском тылу! Машина сломалась за деревней, где стояла воинская часть. И даже это не насторожило! Плюс проклятая рация, по которой «робинзоны» явно вызывали помощь. Последняя явилась только сейчас – значит, раньше не было технической возможности. Все логично, бдительность на освобожденных территориях слабеет с удалением линии фронта. Возвращаться в деревню Хабаров не стал. Восемь верст – не крюк. В скоплении ивняка у пересохшей речушки группу поджидали. Диверсанты прибыли в штатском, увешанные оружием. Конвоиры полегли под проливным огнем, погибли оба сотрудника. Один из плененных офицеров получил ранение шальной пулей (впоследствии его добились свои же). Гауптман зарылся носом в землю, выжил. Алексей пинком отправил Реслинга в кусты – тот скатился по склону, смятая растительность, и остановился, врезавшись в пень. Алексей расстрелял все патроны в автомате, обе обоймы в «ТТ» и побежал, петляя, как заяц, увертываясь от пуль. Он попытался поднять оглушенного Реслинга, но тот потерял сознание и только мычал. Выбора не осталось – враг наседал. Бросаться на автоматы, имея первый юношеский разряд по боксу? Oberst не двигался, на затрещины не реагировал. Хабаров бросился в чащу – диверсанты уже подбегали. Их было человек шесть, говорили по-немецки. Капитан покатился по корням и муравейникам, пули сшибали ветки и только чудом не задевали его. Диверсанты одинокого офицера преследовать не стали, вернулись. Когда Хабаров выбрался из чащи, Реслинга уже унесли. Боль в теле была невыносимой, но Хабаров шел за ними, подобрал автомат, что лежал рядом с телом мертвого красноармейца. Завыл от отчаяния, когда завелась машина, и бросился через кустарник. Грузовик уже уехал, проселок опустел. Аксию спланировали с умом, заранее подогнали машину. В кустах осталось тело мертвого обер-лейтенанта и пять тел из группы конвоя. Перехватить машину по свежим следам не удалось. Пока он добрался до ближайшего поста на дороге, ушло время. Зачем блокировать шоссе, если противник виртуозно использует проселочные дороги?! Диверсантов и след простыл, упорные поиски ни к чему не привели. Капитана Хабарова арестовали через день – прибыли на «эмке», предложили сдать оружие и следовать за ними. Опасения подтвердились – без майора Дельцова из следственного отдела дело не обошлось. Уж больно неласково все это время майор поглядывал на него. Работник был средний, пуль и взрывов боялся пуще холеры. Конкуренции и критики на дух не выносил. Любимые занятия – вылизывать зад начальству и фабриковать дела. Кому-то этот жалкий человек был нужен, раз отирался при штабе.

«Именем советского народа вы арестованы, гражданин Хабаров. Будем выяснять меру вашей ответственности». – Дельцов буквально лучился от счастья. Рождаются же такие! Он лично проводил допросы. Сначала все было пристойно, соблюдали форму, рук не распускали. Версия о халатности их явно не устраивала, хотелось большего. Хабаров настаивал: даже на халатность его проступок не тянет! Действовали по инструкции, решение двигаться пешком явилось вынужденным. Да, возможно, он недооценил опасность... Допросы выходили на новый уровень, коллеги Дельцова проявляли фантазию и изощренность.

«Признавайтесь, гражданин Хабаров, вы вступили в сговор с вражескими шпионами и передали им точный маршрут следования конвоя».

«Кретины! – хрипел Алексей, уже получивший по затылку. – Что вы несете, фантазеры хреновы? Как я мог вступить в сговор, если все время находился рядом со своими товарищами? Вам знакомо такое понятие – физическая возможность? В штабе «крот», неужели не ясно? Он сливает за линию фронта ценные сведения, а вы ищете кого угодно, только не его!»

За «хреновых фантазеров» он получил отдельно. Следователь, науськанный Дельцовым, входил в раж. Впрочем, по голове почти не били – осталась единственная отметина на виске. А вот по прочим местам разминались с удовольствием. Болели почки и печень, локти и колени. Когда бросали в камеру, терзало отчаяние, хотелось лезть на стенку, и мысль о самоубийстве уже не казалась возмутительной...

Все шло к логической развязке. Допросы с пристрастием будут учащаться, арестанта ломают. И не таких ломали. Признательные показания он подписывать не будет, в чем признаваться? Но обойдутся и без них. Дело слепят, человека расстреляют, а «крот» продолжит свою работу... Мысль: они что, полные идиоты? – замещалась другой: они не идиоты, все понимают. Но лучше ведь искать не там, где потерял, а там, где светлее? На очередные скрипы он не реагировал. На этот раз отворилась дверь, охранник буркнул:

– На выход. Руки за спину, – и как-то спешно посторонился. Даже глаза смущенно отвел. Расстрелять решили – для устранения утомительной бюрократической волокиты? Зачем возиться, и так все ясно. Враг виден невооруженным глазом.

Он ничего не чувствовал, надоело все. Шел, прихрамывая, жалея, что из-за боли в коленях не может позволить себе идти упругой походкой. Странно, его не вывели на улицу, подняли выше, конвоир мотнул подбородком: заходи. За спиной захлопнулась дверь. Коренастый мужчина в форме полковника – с мясистым носом, с седой растительностью на голове, похожей на лишайник, – отвернулся от окна. Он тоже выглядел смущенным, но глаза не прятал. Помялся, словно хотел подойти к своему подчиненному, пожать руку, но не стал. Остановился посреди кабинета, покачал головой и неловко пошутил:

– Нас секут, а мы крепчаем. Извини, Алексей, плохая шутка. Ты отвратительно выглядишь.

– Согласен, товарищ полковник. Оздоровительный санаторий – через два квартала. Вы тоже будете раскручивать на измену? Считаете это нормальным?

– Перестань, – поморщился полковник Выш-ковец, заместитель начальника оперативного отдела контрразведки 42-й армии. – Никакой ты не предатель, это понимают все, и даже твои следователи. С преступной халатностью тоже сложно – не вижу в твоих действиях состава преступления. Все мы люди, а враги тщательно подбирают момент, когда мы наиболее уязвимы. В общем, садись и слушай. Получишь выговор. Ты не справился с заданием, погибли люди. Все обвинения с тебя сняты, ты свободен. Извини, что сразу не вытащил. Была командировка в Лугу, потом нужно было разобраться в твоём деле. Сам понимаешь, что такое в наше время – ратовать за человека со столь серьезными обвинениями. В ход пошли мои связи и твои заслуги... М-да, такое случается нечасто – чтобы нашего брата закрывали за измену, да еще с такой помпой...

Полковник украдкой посмеивался. Хабарову было все равно. Хорошо, что сидел – ноги потеряли чувствительность, голова кружилась. Это тот самый исход, о котором он мечтал?

– Спасибо, Василий Андреевич... – слова давались с трудом. – Вы должны понимать, что я могу быть виноват в чем угодно, но я не предатель.

– Понимаю, не глуп. – Вышковец сел за стол и пристально воззрился на подчиненного.

– В штабе действует «крот», товарищ полковник. Доставить подготовленных диверсантов в нужный квадрат – дело суток. Эти сутки у них были. Мы не сразу выдвинулись из Кингисеппа.

– Это понятно, – отмахнулся Вышковец. – Соответствующая работа уже ведется, но ты в ней не участвуешь.

– Как это? – не понял Алексей. – С меня точно сняты обвинения?

– А ты себя в зеркале видел?

– Пока нет.

– Вот и не смотри. Зрелище, мягко говоря, печальное. Ты молодой, здоровый, быстро встанешь в строй, но пока, извини, будешь держаться подальше от ответственной работы. Да и пусть шум уляжется. А что касается «крота», то мы действительно работаем. Соблазн назначить им тебя уже преодолен, – полковник не удержался от саркастической гримасы. – Не та ты фигура, Хабаров, и компетенции у тебя маловато – не вхож в нужные круги. И «крот» не Дельцов, уж не обижайся. Шпионаж – дело тихое, а этот всему свету себя показывает. В общем, это не он. Если абвер, конечно, не сменил тактику. Хочу тебя предупредить, Алексей, – полковник сделал строгое лицо. – Набить морду майору Дельцову – дело святое, но постарайся воздержаться. Пусть живет и здравствует. Когда-нибудь получит по заслугам. Натворишь дел – дверца закроется окончательно.

– Хорошо, Василий Андреевич, буду стараться. Я могу продолжать службу?

Полковник не ответил. Он с каким-то затаенным любопытством разглядывал собеседника, словно примерял на себя его шкуру – ведь то, что случилось с Хабаровым, может произойти с каждым. Тот действительно был не в лучшей форме, но ничего смертельного. Выспаться, обильно поесть, выбросить из головы все, что не лечится... Ничего невозможного для советского человека. Вышковец закурил, пространство вокруг окуталось ароматным папиросным дымом. Спыхватившись, поднялся, сунул папиросу подчиненному, щелкнул зажигалкой. Не отходил, ждал, пока тот сделает первую затяжку. У Хабарова закружилась голова, Вышковец, посмеиваясь, придержал Алексея за плечи.

– Держись? Смотри, не падай. Дело рядовое. Из меня осколок в том году извлекали – две недели не курил. Потом послал всех, вышел в коридор, затянулся – так все половицы пересчитал. Медсестры поднимали и умоляли не писать жалобу. Сидишь? – ухмыляясь, полковник вернулся за место. – Есть у меня намерение, капитан, отправить тебя по одному делу. Это рядом, сорок верст.

– Избавляетесь от меня, товарищ полковник? – обида все же уколола Алексея. – С глаз долой, как говорится?

– Лишь бы не из сердца, – хмыкнул Вышковец. – Да, это не самый ответственный участок, глубокий тыл. Но наша с тобой работа – ловить шпионов везде, где они есть. А там они точно есть. Хотелось бы сразу проинформировать, чтобы два раза не вызывать. Способен слушать и запоминать? А потом иди куда хочешь, отдыхай, спи, строчи жалобы во все инстанции.

– Я слушаю, товарищ полковник, – Алексей усмехнулся. Как из отпуска вернулся – сразу работой загружают.

– Держи, – полковник подтолкнул пепельницу. – Есть такой городок – Гдышев...

– Знаю.

– Помолчи. Пережитые страдания не дают тебе права перебивать. Игнорируешь субординацию – уважай хотя бы возраст... До войны Гдышев – десятитысячный поселок, получивший статус города. Сейчас население сократилось, но безлюдным Гдышев не назвать. Берег Финского залива, тридцать верст от Острова и Усть-Луги, сорок – от Кингисепа и около восьмидесяти – от Нарвы. Взят в начале февраля – причем лихо.

Алексей помнил. Гдышев взяли одновременно с Кингисеппом. Стрелковая бригада без всякой артподготовки атаковала город с трех направлений. Оккупанты атаки не ждали. Отступить им было некуда. Гарнизон бился с отчаянием обреченных, но их буквально задавили численным превосходством. Артиллерию при штурме Гдышева не применяли, брали город штурмовыми отрядами – поэтому большинство зданий уцелело. Часть гарнизона пыталась уйти

морем на сторожевых катерах. Командиры не растерялись, быстро развернули захваченную минометную батарею и накрыли оба судна. Глубина в бухте оказалась приличной. Один из катеров затонул моментально. «Утопающие» в ледяной воде долго не продержались. Второй тонул мучительно долго, команда боролась за плавучесть судна, солдаты стреляли по берегу. Но двигатель вышел из строя – не дотянули даже до группы каменных островов посреди бухты. В пробоину хлынула вода. Красноармейцы наблюдали с берега, как все меньше остается голов на поверхности...

– Вижу, вспомнил, – кивнул Вышковец. – Места там исключительно красивые – впрочем, сам увидишь. Городок так себе, ничего выдающегося. Из достопримечательностей – бывшая школа абвера, бывшая временная плавбаза советских подлодок и завод «Вымпел», выпускавший до войны парогазовые торпеды «53–38». Благодаря заводу Гдышев и получил статус города. Завод работал до августа сорок первого, эвакуировать его не успели. Подорвать тоже не вышло – надо думать, сработали диверсанты. Немцам завод достался целехоньким. Пытались там что-то делать, наладить производство, а что из этого вышло, история умалчивает. К нам завод вернулся с минимальными повреждениями, сейчас пытаются его оживить. Работают комиссии. Скоро начнут выпускать продукцию. По этой причине он тщательно охраняется, в городе усиленный гарнизон, а вход в бухту перекрыт силами ВМФ – сторожевыми и противолодочными катерами. Я был там пару месяцев назад, полюбовался, так сказать, красотами... Часть бухты загромаждают каменные острова – замысловатый, надо сказать, ансамбль... Летом сорок первого, когда наши отступили из Таллина, там размещались подводные лодки, затем ушли к Ленинграду на оборону города. Немцы там тоже развели активность и все засекретили. Эти острова, насколько знаю, еще не обследованы.

– Долго обследовать кучку камней? – проворчал Алексей.

– Дело не в камнях, а в том, что под ними. Но об этом пусть у ВМФ голова болит. С нашей же стороны... Есть подозрение, что в городе действует агентурная сеть нашего разлюбезного абвера. Что и неудивительно: лазутчиков натаскивали в абверштелле прямо там – никуда и ездить не надо. Школа абвера находилась на улице Кронштадтской. Главный городской объект – завод «Вымпел». Второй объект по значимости – бывшая плавбаза в бухте, но здесь все во мраке. ВМФ стережет объекты от происков извне, мы же работаем внутри... Нужно развивать мысль? Позавчера в городе убили начальника городской милиции Перфилова. Убили тишком, в собственном доме, при этом ничего не похитили. Вчера на крыльце своего дома обнаружили тело товарища Корчинского – он выполнял обязанности председателя исполкома. В этом случае злоумышленники даже в дом не заходили. Сегодня утром, пока ты спал в камере, нашли труп товарища Сорокина, первого секретаря тамошнего горкома. За три дня выбито все гражданское руководство населенного пункта. Словно и не мирное у нас время... Милиция работает, но что с нее взять? И нечего милиции лезть в это дело – как знать, что там всплывет. Я получаю ежедневные сводки от ГБ. Они скрипят зубами, но высылают. Госбезопасность расследование не ведет – у них нет компетентных специалистов. А если хватать всех без разбора, от этого легче не станет. Насколько знаю, убийства не имеют корыстного мотива. Что взять с этих бессребреников? У троицы огнестрельные ранения, стреляли из оружия с глушителем. Отсюда и очевидцев – кот заплакал. Твоя задача – расследовать обстоятельства их гибели. Возможно, убийства связаны с заводом или еще с чем-то. «Вымпел» практически готов к пуску, и мы не можем допустить его срыва или, боже упаси, уничтожения завода. Любая дестабилизация на руку врагам. А ликвидация трех значимых лиц – уже удар. Шила в мешке не утаишь. В общем, поезжай.

«Похоже на ссылку, – подумал Алексей. – Отправить подальше, и чтобы голова не болела. Кого на самом деле интересуют убийства штатских в глубоком тылу?»

– Я свяжусь с майором ГБ Корбиным, – продолжал Вышковец. – Он возглавляет местное отделение Государственной безопасности, будет оказывать содействие. Отделение ГБ – на

улице Советской, она проходит параллельно Кронштадтской. Откуда столько кислоты в лице, Хабаров? – нахмурился полковник. – Полчаса назад ты готовился к расстрелу, а теперь от работы нос воротить?

– Виноват, товарищ полковник, самопроизвольное движение лицевых мышц.

– Так следи за своими мышцами. Сроков не устанавливаю, но дело не затягивай. Возьми с собой пару оперов – только не зубров, сам понимаешь. Молодых бери, пусть учатся сыскному делу. Кстати, лейтенант Казанцев родом из тех мест, и парень вроде с башкой. Действуй. Все приготовь и... можешь отдыхать, а то вид у тебя просто убийственный. Вопросы есть? Тогда чего сидишь, глаза строишь? Может, орден тебе дать – за освобождение полковника Реслинга из советского плена?

Глава 2

– Да вы не берите в голову, товарищ капитан, – разглагольствовал лейтенант Окулинич, вертя баранку. – Подумаешь, отсидели под арестом восемь суток. Это же не восемь лет, верно? Бывает, ошиблись. Но во всем разобрались, до греха не довели. Мы никогда не верили, что вы способны на предательство. Глупость несусветная. Вас же все прекрасно знают. Так что все отлично, выбросьте случившееся из головы. А за время вашего отсутствия ничего интересного не случилось. Ну а майору Дельцову когда-нибудь воздастся, вот свалится бомба на голову, будет знать...

– Окулинич, будь ласков, заткнись, – взмолился Алексей. – Что ты долдонишь, как попугай, одно и то же?

Окулинич замолчал, щеки покрылись румянцем. Втихомолку ухмылялся на заднем сиденье лейтенант Казанцев. Последнему было 28 лет, Окулиничу – 26. В условиях войны – почти пенсионеры. Большинство и до 19 не доживали. Казанцев родился и вырос в Гдышеве, в 34-м году уехал поступать в Ленинград, где и осел, окончил технический институт, затем ускоренные офицерские курсы. На фронт попал полгода назад, когда Красная армия вела наступательные действия на Украине. Полтора месяца провалялся в госпитале, перешел на Ленинградский фронт, где наблюдался отчаянный дефицит оперативных сотрудников. Парень был не говорливый, любил работать головой (впрочем, не всегда успешно). Окулинич был проще, но тоже не дурак – крепкий, приземистый, с добродушной физиономией, родом откуда-то из Приморья. В 42-м стал молодым лейтенантом, да таким и остался. Парень обладал интуицией, что и способствовало его выживанию – в отличие от тех, кто и умнее, и званием выше...

Алексей сидел на пассажирском сиденье подержанной «эмки» (все приличные внедорожники убыли на фронт, включая пока еще экзотические штатовские «Виллисы»), мрачно смотрел в окно на меняющиеся пейзажи. Эйфория по поводу освобождения давно прошла – да и не было особой эйфории, так, небольшой душевный подъем и недоумение. Человек – песчинка, расходный материал. И стоит это испытать на своей шкуре, чтобы дальше не удивляться... Утром он столкнулся на лестнице с майором Дельцовым. Разминуться не смогли. Оба встали, исподлобья уставились друг на друга. Кулак чесался просто зверски. Эта упитанная лоснящаяся физиономия так и напрашивалась! Избить до полусмерти, и будь что будет. Самое противное, что Дельцов не возражал. «Ударь же, – говорили бесстыжие глаза. – Бей, капитан, не бойся, убедительно прошу». И это стало бы концом капитана Хабарова. А глаза визави в открытую глумились: не можешь, трусишь? Он дернул рукой – и Дельцов отшатнулся, страх мелькнул в глазах. Но Алексей лишь отдал честь.

«Здравия желаю, товарищ майор!» – Все по уставу, не придерешься. А излишняя резкость – то же усердие, радость при встрече со старшим по званию.

«Ну, подожди, Хабаров, недолго тебе осталось... – прошипел в спину Дельцов. – Думаешь, нашел себе покровителя, и все обвинения сняты? Мы еще вернемся к нашему вопросу, прихвостень фашистский...»

На эти слова он тоже не среагировал, нашел в себе силы не оборачиваться...

За окном мелькали загородные пейзажи. 5 мая на дворе, природа зеленела. Погода была почти что летней. С асфальтового покрытия давно съехали, проселок петлял между хвойниками и осинниками. Дождей не было несколько дней, проезжая часть имела сносный вид. Но рытвины и колдобины подстерегали на каждом шагу – машину трясло и подбрасывало. Пилить Окулиничу было бесполезно – он тормозил на ровных участках и несся там, где начинались буераки.

– Да уж, мастерство не пропьешь, – бормотал Казанцев после каждой зубодробительной встряски. – Матвей, ты на дороге, вообще, смотришь? Или только в небо?

Местность между Кингисеппом и Финским заливом была изрезана. Дорога погружалась в балки, заросшие лесом, выныривала на простор. Несколько месяцев назад здесь шли тяжелые бои. Иногда попадались разрушенные деревушки; стаи бродячих собак, озверевших от голода, преследовали машину, бросались под колеса. В такие минуты напрягались, хватались за оружие. Снова тянулись еловые леса, битый транспорт вдоль обочин. На открытом участке громоздились груды железа – буксируемый артдивизион попал под огонь советской авиации, орудия и вездеходы превратились в металлолом. «Пионеров бы сюда завезти, – подумал Алексей. – Быстро бы металлолом собрали и сдали». У развилки Окулинич сделал остановку, задумчиво разглядывал разбегающиеся нити проселка. В итоге выбрал худшую дорогу, радостно ударил по газам. Ветки кустарника злобно застучали по кабине.

– Как решил? – покосился на него Алексей.

– Не знаю, товарищ капитан, – буркнул сотрудник. – Наитие сработало, полезнейшая штука в нашем деле. Да вы не бойтесь, я карту внимательно изучил, у меня все эти направления автоматически в голове отложились. К тому же Олежка Казанцев молчит, значит, правильно едем...

Через несколько минут он вывел «эмку» на сносную грунтовку. Алексей закрыл глаза. Состояние было средне-паршивым. Ломило кости, не проходила тошнота. Дурные мысли безостановочно лезли в голову. Сон пошел на пользу, но лучше бы он неделю проспал. Ссадину на виске замазали в санчасти, уже не саднила. Было трудно ходить, а еще труднее – делать вид, что это не так. Подчиненные все видели, вопросов не задавали. Дорога снова втягивалась в лес. Машину затрясло. В салоне подозрительно запахло бензином. Окулинич вытянул заслонку – тряска уменьшилась.

– Ты смотри, – проворчал Алексей, – сломаемся посреди дороги – в Соловьи-разбойники придется идти.

– «Посреди дороги» уже проехали, – заметил с заднего сиденья Казанцев. – Верст двенадцать осталось. Знакомые места, скоро мост через Киржу проедем, деревня там... не помню названия – а дальше на оперативный простор, так сказать...

– Товарищ капитан, а мы надолго в эту дыру? – поинтересовался Окулинич.

– Сам ты дыра, – обиделся Олежка. – Ну да, не самый большой из городов, зато там места красивые, воздух целебный, и один лишь завод «Вымпел» имеет для страны важное оборонное значение... Хотя построили его только в тридцать девятом – меня уже не было, но все равно очень важный населенный пункт.

– Я же говорю, дыра, – хохотнул Окулинич. – Что молчите, товарищ капитан? Мы же не навсегда туда переселяемся? Я, кстати, зубную щетку забыл. Гражданскую одежду, как вы просили, взял, а щетку – забыл. Так что там задерживаться не будем.

– Распуташь клубок преступлений – и хоть завтра уезжай, – проворчал Хабаров. – Так, вижу реку, товарищи лейтенанты. Это и есть обещанная Киржа?

К сожалению, он был несведущ в этой местности. Запад Ленинградской области не считался чем-то особенным, здесь отсутствовали исторические объекты, центры культурного и общественного притяжения. Край болот, лесов, сельскохозяйственных угодий, редкие населенные пункты – и далеко не каждый назывался городом. Лес отступил, справа пробежали заброшенные хозяйственные постройки, за ними крыши деревушки, увенчанные печными трубами. Показался мостик, переброшенный через речушку. Берега водной преграды заросли ивняком, виднелись обрывы. Густел лес на дальнем берегу. Старые осины расступались, пропуская дорогу. Она петляла между глубокими канавами. Мостик приблизился. Окулинич переключил передачу, чтобы на скорости проскочить переправу.

– Товарищ капитан, в лесу кто-то есть! – Казанцев подался вперед, схватившись за спинки сидений. – Голова мелькнула... кажется.

– И мне не по себе стало... – пробормотал Окулинич. – Заскребло как-то, хотя не вижу ни хрена...

Алексей напрягся. Кто бы стал их поджидать? Он никого не видел, но сердце от тревоги сжалось. Казанцеву не привиделось – человеческую голову с иным предметом не спутаешь. И ведь не развернуться! Проезжая часть слишком узка, начнешь маневрировать – завалишься в канаву, а если и развернешься, будешь как одинокое дерево на юру...

– Окулинич, продолжай движение. Не знаю, что вам почудилось, но придется рискнуть. Назад не выедем. Въезжай на мост, а дальше жми на всех парах. Не забыли пригнуться. Ты тоже, Окулинич...

– Рисуем, товарищ капитан, – побелевшими губами прошептал Казанцев.

– Бывает, Олежка, – хмыкнул Окулинич, – А ты представь, что в том лесу нас поджидает бутылка холодного «Советского шампанского»...

Машина взгромоздилась на мост. Покрытие было дощатым – не придется гроыхать по бревнам. Алексей что-то заметил! Кто-то стоял за деревом, и в траве у боярки шевелился человек... Возможно, красноармейцы – патрулей на дорогах хватало, и они не обязаны торчать, как фонарные столбы... Двигатель под ржавым капотом еще не выработал свой ресурс. Окулинич взял с места в карьер! Двигатель взревел, столб дыма вырвался из выхлопной трубы. «Эмка» понеслась, как ракета, скрипя разболтанными бортами, спрыгнула с моста, устремилась к лесу. Трава уже подросла, зазеленел кустарник. Мелькали буераки. Крики не почудились, на опушке кто-то присутствовал, и намерения у этих людей были не самые дружеские. Мелькнула фигура, кто-то перебежал от дерева к дереву. Человек был в штатском. Вот и соловьи-разбойники! Еще один отлип от дерева, что-то тревожно крикнул, адресуясь к зарослям кустарника. «Понемецки кричит», – отметилось в голове.

Окулинич выжал из двигателя все возможное, направил машину к лесу – сворачивать здесь не требовалось. Ветер свистел в открытое окно.

– Ложись! – дурным голосом закричал Алексей, одновременно сползая по сиденью.

Бестолковых в салоне не оказалось, инстинкт самосохранения работал. Казанцев повалился на сиденье – ему с избытком хватало места. Пригнулся Окулинич, треснул виском о баранку, выругался. Затрещали автоматы, разбилось заднее стекло. Кто-то бежал, хрустели ветки под ногами. На такое «коварство» жертв эти люди не рассчитывали. Несколько пуль попали в машину, пробили кузов, но пассажирам повезло. Стреляли из МР-40 – оружие среднее, дульная энергия невысокая... «Эмка», окутанная смрадным дымом, влетела в лес. Окулинич своевременно высунул нос из-за приборной панели, ахнул – дерево стремительно летело навстречу. Он выкрутил руль, возвращаясь на проезжую часть, обернулся.

– Товарищ капитан, за нами бегут! Их трое! Вот черт, гранату бросают!

– Спрячься, дурень! – Алексей схватил лейтенанта за плечо, дернул.

Тот успел вписаться в поворот, прежде чем рухнуть на коробку с трансмиссией. Прогрел взрыв. Машину подбросило, кажется, отвалился задний бампер.

– Колесо пробили, сволочи! – с обидой в голосе вскричал Окулинич. Ладно, хоть голову не пробили.

Машина по инерции продолжала движение, кондыляла, словно пробитое колесо вдруг стало квадратным. Алексей привстал, вывернул шею. Чертыхался Казанцев, выдергивая из-под сиденья зажатую ногу. Заднее окно покрылось трещинами, но не разбилось. Поворот проехали, отдалялся кустарник, огибавший проселок. Бегущий противник еще не показался, но обязательно покажется.

– Товарищ капитан, не могу держать дорогу, сносит, – прохрипел Окулинич.

Он вцепился в баранку, с кончика носа катились капли пота. Машину швыряло по всей проезжей части, от столкновений спасали жалкие сантиметры.

– Тормози! Всем разбежаться, залечь, действовать по обстановке!

Дальше начинался цирк. Или продолжался? Забылось все, что Алексей недавно испытывал, – больная голова с тошнотой, кости, ливер, грусть-тоска... Лучшее средство от подобных состояний – спасение собственной жизни!

Окулинич резко выжал тормоз, швырнул рычаг в нейтральное положение. Израненная «эмка» застыла, упираясь капотом в переломленное дерево. Захлопали двери, оперативники рассыпались вдоль дороги. Алексей перескочил лужайку, пополз по жесткой папоротниковой поросли, перевалился через огрызок ствола. Несколько секунд – и стало тихо. Заглох двигатель. Молчали лесные птицы, напуганные шумом. Но вот одна из них вопросительно чирикнула. Залилась трелью другая, третья, и снова все пришло в норму. Пичужки пели, прыгали с ветки на ветку. Алексей приподнял голову. Машина находилась в двадцати метрах – кривобокая, с распахнутыми дверьми. Ее частично закрывала масса сырого валежника. Все попрятались – ни одной живой души. Капитан застыл, глаза обследовали участок леса. Кряжистые искривленные деревья соседствовали с тонкоствольным молодняком, усыпанным листочками. Многие деревья отжили свой век, загибались, теряли кору. Что-то чавкнуло. Хабаров не двигался. Он не видел товарищей, но они далеко убежать не могли. За машиной возник силуэт. Кто-то перебежал, присел за раскуроченным бампером. Выразительно обрисовался ствол автомата. Удивление не проходило: что бы это значило? Сомнительно, что эти люди поджидали любую машину, знали, кого пасут. Но зачем караулить группу офицеров, едущих в заштатный городок для расследования чего-то незначительного? Или оно не настолько незначительное?

Человек укрылся за машиной и больше не вставал. Справа обозначился второй. Он шел на цыпочках, выставив ствол, переступал сухие ветки. Прижался к стволу, махнул рукой. Появился третий. Он двигался гусиным шагом, забавно выворачивая бедра. Потом опустился на колени, заполз под боярышник. Его товарищ оторвался от дерева, сделал шаг. Под ногой предательски хрустнула сухая ветка. Мужчина поспешил обратно за дерево. Реакции не последовало, мужчина был озадачен. Показалось его лицо – вытянутое, бледное, украшенное горбатым носом. Щеки и подбородок заросли щетиной. Он покрутил носом, снова рискнул шагнуть. Незнакомец носил короткое пальто, мешковатые брюки, хотя выправку имел явно военную. Волосы скомкались, череп рассекали две глубокие залысины. Он был стопроцентный пруссак, ничего славянского в нем не было. Еще и бледный, как мертвец со стажем... Субъект твердо стоял на земле, подогнув колени. Голова медленно вращалась, глаза рассматривали детали ландшафта. В какой-то миг его взгляд уперся в дырочку ствола. Выражение лица не изменилось, он глянул выше – в «доброжелательные» глаза советского капитана. Тень досады омрачила его лицо. И все же он сделал попытку спастись, резко вскинул автомат. ППШ выплюнул очередь. Мужчина повалился в хворост, на его лице так и осталась гримаса досады. Загремели выстрелы – стреляли из-за машины, из кустарника с правой стороны. Именно там началась схватка. Кустарник затрясся, там кто-то кричал, возились люди. Громко хрустнуло, настала тишина. Алексей ждал, что произойдет дальше. Он волновался, с его лба тек пот.

– Готово, товарищ капитан! – донесся слабый голос Казанцева. – Я ему череп проломил к той-то матери...

– Не вставай!

Предупреждение было кстати. Тот, что прятался за машиной, все видел и слышал. Он возник в полный рост, открыл огонь из автомата. Пули стали крошить хворост, рвать кору. Но порезвиться ему не дали. Хабаров открыл огонь, и Окулинич, оказавшийся слева, без дела не сидел. Противник убрался, снова скорчился за капотом. Он лихорадочно перезарядил автомат, отбросил пустой магазин. Затрещали ветки, Окулинич прыжками помчался к машине. Противник показал нос, стегнул очередь. Но лейтенант уже катился за дерево. Снова возникла пауза.

– Казанцев, ты жив? – выкрикнул Алексей.

– Не знаю, товарищ капитан, пока не разобрался, сложно все... – В кустах опять завозились – на этот раз молодой сотрудник боролся сам с собой.

– Ты что там делаешь, Олежка? – хихикнул Окулинич. – Прическу?

Хохот клокотал в груди. Казанцев вернулся в боевое состояние, выполз из кучи веток. Пророкотал автомат. Пули застучали по капоту.

– Эй, не хулигань! – встрепнулся Окулинич. – Нам еще ехать на этой кобылке!

Имелись опасения, что на этой кобылке теперь далеко не уедешь. Хорошо хоть бензобак не прострелили. Офицеры с трех сторон подбирались к машине, ведя прицельный огонь. Противник дважды высунулся, избавился от нескольких патронов. Он, видимо, понял, что скоро его зажмут. Обрисовалось бледное лицо с распахнутыми глазами, он вскочил на свой страх и риск, стал поливать вокруг огнем. Офицеры залегли – на пожар, в принципе, не опаздывали. У противника сдали нервы, он начал пятиться, строчить из автомата, держа его на вытянутых руках. Отступать он мог только к опушке. Это не добавляло ему шансов сбежать. Впрочем, козырь в рукаве он припас. Возникла граната – ребристый комок металла – лимонка! Он швырнул боеприпас и пустил наутек по дороге. И правильно сделал, по лесу он бы далеко не убежал. И ведь обхитрил, поганец! Пришлось лежать, ждать, пока разлетятся осколки. Взрывная волна ощутимо тряхнула. Враг уже отбежал метров на тридцать. В автомате кончились патроны, он избавился от оружия и стал улепетывать належке. Он был одет в залатанные штаны, в старый клетчатый пиджак без пуговиц. Пули его не брали.

Окулинич первым вылетел на дорогу, перемахнув через капот, рванул прыжками. Остальные бросились за ним. Брать живьем и хорошенько допросить! Мужчина озирался, и это влияло на его скорость передвижения. Но все равно он стремительно уходил. «На что надеется?» – мелькнула у Алексея мысль.

Беглец вырвался на открытое пространство. К мосту не побежал – там бы ему не повезло. Он бросился наискосок – к зарослям ивняка, склонившимся над обрывом. Когда оперативники высыпали на опушку, этот резвый олень уже вонзился в растительную массу. Шансов уйти было мало (разве что по дну доползти до того берега), но все же он решил попытаться удачу.

– Огонь! – закричал Алексей.

Мысли о приятельской беседе приходилось сворачивать. Били плотно, из всех стволов, распотрошили тальник. Пробились через заросли, высыпали к обрыву. Взорам предстало «умиротворяющее» зрелище: на воде лицом вверх, раскинув руки, лежал труп. Он мерно покачивался, уплывая по течению. Рот и глаза были широко раскрыты. Мужчина был молод, спортивно сложен – чем и объяснялась его подвижность (при жизни).

Окулинич ругнулся, вскинул автомат и вогнал в мертвеца несколько пуль. Тело на мгновение ушло под воду, вынырнуло, поплыло дальше – теперь уже лицом вниз.

– Думаешь, притворяется? – Алексей иронично покосился на сотрудника.

Окулинич вздохнул, забросил автомат за плечо. Выпала минутка полюбоваться речными картинками. Казанцев что-то пробормотал про «плывущий по реке труп врага».

Оперативники вернулись к машине. Никто не пострадал. Долго чистились, приводили себя в порядок. Досадно, конечно, предстать перед обществом в Гдышеве, пребывая в таком неприглядном виде. Казанцев стал искать фуражку, нашел ее, признав правоту товарищей: в любой непонятной ситуации используй специальный ремешок на околыше, и головной убор останется при тебе. Тела врагов реанимации не подлежали, начали коченеть. У одного был расколот череп (Олежке под руку подвернулся камень), другой получил три пули в грудь. Обоим было от тридцати до сорока. Документов в карманах не нашли, только курительные принадлежности; а у типа с горбатым носом – еще и чистые носовые платки во внутреннем кармане.

– Как вы думаете, товарищ капитан, кто они такие? – спросил Окулинич.

– Говорили по-немецки, – пожал плечами Алексей. – Выводы делайте сами. И рожи не больно славянские. Гадать бессмысленно, парни. До Гдышева осталось километров шесть, видимо, оттуда и прибыли.

– Как это? – не понял Казанцев. – В Гдышеве вроде наши. Там еще и флот.

– Значит, мы чего-то не знаем. Спросите что полегче, парни. Если не из Гдышева, значит, из других мест, хотя поселений в районе кот наплакал. Могли прибыть на машине, где-то ее спрятать, но не хочется искать автомобиль. Машина ничего не даст.

– Вы же понимаете, товарищ капитан, что караулили именно нас? – мрачно подметил Казанцев. – Не похожи эти черти на разбойников с большой дороги. Военнослужащие Красной армии здесь ездят нечасто. А если ждали нас, то возникает второй вопрос: как узнали, что мы поедem?

– Есть еще третий вопрос, – сказал Алексей. – И он важнее будет. Что такое происходит в Гдышеве, что туда не хотят пускать контрразведку?

Вопрос был интересный. Сотрудники молчали. Казанцев что-то вспомнил, убежал к машине, вернулся с фотоаппаратом «ФЭД», настроил выдержку, диафрагму, сделал снимок трупа. Потом приблизил объектив к мертвому телу, еще раз щелкнул затвором. Побежал в кусты – запечатлеть второго. Сделал там несколько кадров и вернулся.

– Молодец, – оценил старания Олежки Алексей. – Правильный поступок. Откуда фотоаппарат?

– Мой, – смутился лейтенант. – Нет, правда, товарищ капитан. Военкор в прошлом месяце приезжал, щелкал этой штукой. Я ему предложил на «лейку» обменять – он согласился. Считал, что иностранная техника работает лучше нашей. Но это вопрос спорный. А «лейка» мне по наследству перешла – от одного мертвого штурмбаннфюрера. Вот и таскаю теперь эту штуку с собой.

– Пленка хоть есть? – оскалился Окулинич.

Малоформатные дальномерные «ФЭД» выпускались в стране с 34-го года. По форме и содержанию они практически не отличались от немецких «леек».

Трупы решили оставить на местах, пусть удобряют родную землю. Перспектива пешей прогулки не окрыляла. Машина представляла собой жалкое зрелище. Но самое странное, что она завелась!

– Ласточка ты моя, умница, девочка... – восхищенно пробормотал Окулинич, извлекая на божий свет запасное колесо.

Его монтировали всем составом – домкрата почему-то не оказалось, подняли машину своими руками, уложили на разлапистую корягу. Потом повторяли ту же процедуру – с новым колесом. Кузов был пробит в нескольких местах, часть стекол отсутствовала, но это не страшно, май месяц на дворе, и не такие развалины использовали!

Окулинич задумчиво почесал затылок, глядя на отвалившийся бампер. В принципе, он держался – с одной стороны, а вторая волочилась по земле. Оторванный конец бампера Окулинич примотал проволокой, подергал, вроде держится.

– И разве я не мастер на все руки? – хвастливо заявил он.

– На всю голову ты мастер, – проворчал Алексей. – Все, поехали, нечего любоваться.

К посту подкатили через пару километров. Проселочная дорога влилась в грунтовку, ее и оседлал мобильный патруль на советских мотоциклах. Все пятеро выставили автоматы, настороженно наблюдали, как приближается разбитая машина. Двое вышли на дорогу, стали прозрачно намекать на остановку.

– Кто такие? – заорал усатый сержант. – Документы! Кто стрелял?

– Мы стреляли, – проворчал Алексей. – И в нас стреляли.

Красные удостоверения с магической надписью НКО ГУКР СМЕРШ подействовали безотказно. Бойцы подтянулись, сделали любезные лица, но оружие не опускали.

– Непорядок в вашей волости, сержант. – Хабаров вышел из машины размять кости. «Эмка» после переделки удобнее не стала – кресло перекосилось, вылезли внутренности, и теперь сидеть на нем было то же самое, что на зубчатой ограде.

– Что случилось, товарищ капитан?

– Вашу работу выполняли, сержант, – обеспечивали безопасность на освобожденных территориях. Ладно, не бледней. Разбойники напали – попутали чуток. Район моста. Можете не выступать, все равно ни черта не поймете и трупы не найдете. Но бдительность рекомендую усилить, если собственные жизни интересуют. Далеко до Гдышева?

– Три версты, товарищ капитан, – сержант дернул подбородком в сторону дороги. – Другой дороги нет, только эта. Была еще одна через село Покровское, но там проезда нет, обрыв осыпался, и всю проезжую часть завалило.

«Вот поэтому и знали, где мы поедем, – подумал Алексей. – Устроились с удобством, ждали, вот только что-то пошло не так».

– Можем ехать, сержант? Или еще вопросы есть?

– Да, конечно, товарищ капитан, – старший наряда невольно вытянулся. – Больше никаких вопросов, счастливого пути, и... будьте осторожны.

Городок оказался не таким уж захолустьем. На оставшемся отрезке дважды проверили документы, изумленно разглядывали машину, превратившуюся в душлаг. Всезнающий старший сержант посоветовал съездить на улицу Лермонтова – там, в гаражах райкома партии, работают толковые мастера, могут приварить бампер – если по дороге окончательно не потеряется. Корочки контрразведки работали, открывались все двери, ворота и даже незаметные калитки. На всю дорогу ушло четыре часа («Бегом быстрее бы добрались», – подсчитал Казанцев), во второй половине дня машина въехала на холм, остановилась. Окулинич повозился с мотором, что-то подлил, подтянул, сказал пару магических слов – и присоединился к товарищам, наслаждающимся видом. Было красиво. Прибрежный район затянули облака – к счастью, не дождливые. Дорога убегала вниз по пологому склону. Город Гдышев уютно расположился в глубокой бухте, до него с вершины холма было километра полтора. Бухту окружали хвойные леса, замысловатые скалы. От западной оконечности до восточной – еще версты три. Слева, в самой высокой западной точке бухты, возвышался маяк, видимо нерабочий. На востоке в бухту врезался глубокий узкий залив с крутыми берегами и стройными корабельными соснами. Ущелье находилось в стороне от города – за восточными предместьями. В центре бухты, метрах в семистах от берега, наблюдалось очередное природное чудо – скопление каменных островов. Там не было растительности, только голый камень – самых причудливых очертаний и габаритов. Между островами переплетались узкие протоки. Виднелись провалы пещер и гротов. За островами на рейде стояли катера – сторожевые, торпедные. Их было немного, но вход в бухту они надежно перекрывали. Море колыхалось, вздымалась гигантская седая равнина. У причалов под защитой молов и волнорезов стояли суда – преимущественно катера военно-морского флота.

– Впечатляет, товарищ капитан? – усмехнулся Казанцев. – Моя малая родина. Здесь я в школе учился, первый жизненный опыт приобретал. Впоследствии приезжал пару раз, ну так, в плане ностальгии.

– Родные остались в городе?

– Нет, товарищ капитан, никого не осталось, – сотрудник погрузился. – Отец погиб, когда я еще мальцом был, он в рыбной артели трудился, краном придавило. Мама нового спутника жизни не нашла, в тридцать шестом заболела пневмонией и тоже скончалась. Я приезжал, похоронил ее. Мы жили в комнате в бараке, жилище после ее смерти отошло рыбзаводу, где

она работала бухгалтером. Я не в претензии, у меня свое жилье, тоже комната в коммунальной квартире на Петроградской стороне, вот только давно там не был.

– Понятно, – кивнул Алексей. – Что там справа?

– Щучий залив. Мы там в юности со скал в воду прыгали – чтобы нервы пощекотать и девчонок впечатлить. Сейчас как вспомню, так мороз по коже. Высота одуренная, страшно. Однажды животом о воду ударился, чуть дух не вышибло... Залив шириной метров семьдесят, глубокий, зараза, там тоже скалы, крутые обрывы. В тех краях ничего нет, местные редко приходят – дурная молва про Щучий залив ходит: в прежние времена много народа там померло. Однажды упавшая скала целую рыбацкую шхуну накрыла. Раньше в Щучий залив рыба заходила из бухты Сарыча – ну, так она называется, эта большая бухта. Лопатой можно было рыбу грести. А сейчас кого она интересует? Может, и ставят мужики сети, если их военные не гоняют. Тут вообще во всей бухте глубина порядочная – сколько кораблей за всю историю затонуло... Есть и мели – одна из них на входе в Щучий залив – вроде кораллового рифа, барьер такой. Во всех же остальных местах – просто пучины, раздолье для подводных лодок. Горка из островов, что в бухте – Уварова гряда. Мы в детстве на лодках туда плавали, пока моряки эту территорию себе не прибрали. Вот там благодать – в войнушку играть. Прямо под скалами глубина немереная, подземные пещеры, гроты, галереи – чего там только природа не наделала. Наши подлодки, когда из Таллина в сорок первом отступали, временно здесь стояли – проходили ремонт, заправлялись, новое оружие на них устанавливали. Не удивлюсь, если в глубине архипелага найдется надводный причал со всеми положенными доками и складами.

– А как тут с культурной жизнью? – спросил Окулинич. – Ну, кинотеатры, рестораны, общественные бани имеются?

– Может, тебя и в женском общежитии поселить? – нахмурился Хабаров. – Договорись, боец, станешь вечным дневальным.

– А что? – встрепенулся Казанцев. – Не службой единой, как говорится. Ресторан «Калина» раньше на Советской работал, там же кафетерий и пельменная. Кино крутили в ДК имени Фрунзе, общественная баня работала в Банном переулке... Даже спорткомплекс свой имелся, а в нем – бассейн. Здесь все несложно, товарищ капитан. Видите доки, причалы, портовые сооружения? Это улица Морская, она петляет вдоль береговой полосы. А большинство других улиц, что проходят сквозь город, в эту Морскую и вливаются. В центре три улицы, вон они, – Казанцев тыкал пальцем в сторону улиц, – Народная, Советская и Кронштадтская. Немцы, пока хозяйничали, видать, переименовывали что-то, но это я не знаю. Наши названия все равно вернулись. На этих улицах нормальные жилые дома, школы, органы власти. Остальные – периферийные, с бараками, частным сектором: слева Баррикадная, Трудовая, справа – Зыряновская, Лермонтова. Между ними – переулки, проезды, частные дома вперемешку с двухэтажками. Завод – на Зыряновской, его отсюда хорошо видно. Помню, как в тридцатые сносили бараки, частные хибары, освобождали территорию. Людей переселяли на западную окраину – строили для них новые бараки, дощатые избушки. «Вымпел» возник через полтора года – выросли цеха, заводские трубы, периметр окружили двойным кирпичным забором, ввели режим секретности. Но всем известно, что там торпеды для подлодок производили. Немцы пошли – готовую продукцию успели вывезти, а вот производственные участки не взорвали. С одной стороны, и лучше – заново восстанавливать не нужно.

– Ладно, поехали. – Алексей выбросил окурочек. – Познакомимся поближе с аборигенами.

Глава 3

Отделение районного управления госбезопасности находилось на улице Советской, в добротном двухэтажном особняке. Постройка – явно прошлого века – имела отношение к купечеству или другим мироедам. Первый этаж был выложен из кирпича и окрашен в цвет высушенной крови. Второй – бревенчатый, с резными ставнями и карнизами, плохо сочетающимися с представлениями о серьезности обосновавшейся здесь организации. Но адрес был точен, на входе висела табличка, там же прохладился часовой и удивленно смотрел, как во двор въезжает, громыхая, покалеченная «эмка».

Контора располагалась на первом этаже. Двери кабинетов, выходящих в коридор, были закрыты, доносились голоса. Штат конторы, как и везде в тылу, раздутым не был. Шум с улицы сюда не поступал. Покой хранителей государственной безопасности стерегли толстые стены и зеленые насаждения между зданием и дорогой. В приемной сидела миловидная секретарь средних лет в сером платье с кружевным воротничком и стучала по клавишам ундервуда. Сотрудники остались в коридоре, Алексей вошел один. Секретарь прервала работу, вопросительно уставилась на пришельца. Ей было лет сорок. Завитые волосы красиво стекали на плечи, моргали большие глаза. Располнеть она еще не успела, имела вполне приемлемые очертания.

– Здравствуйте, товарищ... – У секретаря был любезный, но какой-то механический голос.

– Главное управление контрразведки. – Алексей достал удостоверение, подержал в развернутом виде перед курносим носом. Лицо секретаря сделалось каким-то отсутствующим.

«Надеюсь, не будем бодаться и выяснять, кто нужнее для страны», – подумал капитан.

– Прибыли в ваш город по приказу командования для выполнения задания. Майор Корбин на месте?

Можно было и не спрашивать. Из кабинета доносился визгливый голос, срывающийся на крик. Начальник отделения кого-то распекал, возможно, по телефону. Выдержкой и хладнокровием местное начальство не отличалось. Секретарь смутилась и опустила глаза. У нее были длинные ресницы. «Не замужем, – подумал Алексей. – У замужних дам отсутствует влажный блеск в глазах при виде подтянутых военных».

– Да, Борис Михайлович на месте, – быстро сказала секретарь. – Присядьте, я передам, что вы прибыли.

– О, не утруждайтесь, – улыбнулся Алексей. – У вас так много работы. Я сам, с вашего позволения, доложу о прибытии. Как вас звать-величать?

– Савельева Татьяна Викторовна, – секретарь подняла глаза. В них было что-то коровье. Неизвестно, какой она была работницей, но со всем остальным майору Корбину повезло.

– Вы местная?

– Да, товарищ капитан, до войны преподавала в местном техническом училище. Три месяца назад вернулась из эвакуации. Два года жила в Костроме, окончила курсы стенографии и машинописи.

– Работайте, Татьяна Викторовна, не хочу вас отвлекать.

Он отворил дверь и вошел в кабинет. Обстановка не блистала роскошью. На стене висела карта южного побережья Балтики, включающая Ленинград и Нарву. Рядом еще одна – города Гдышева. Майор Корбин сидел за столом, заваленным бумагами, и с неприязнью смотрел на телефон, переклеенный изолентой. Это был невысокий мужчина лет сорока – какой-то рыхлый, лысоватый, с колючими воспаленными глазами – по-видимому, любитель прикладываться к бутылке (в личное, разумеется, время). «Не сработаемся», – подумал Алексей. Мужчина среагировал на шум, оторвался от телефона, устремил взгляд на вошедшего.

– Почему без разрешения? Немедленно выйдите!

«Стоит ли растрчивать себя по пустякам? – подумал капитан. – Сидит в тепле и уюте, в безопасном тылу, царь и бог в своей епархии, что еще нужно для хорошего расположения духа?»

– Прошу прощения, Борис Михайлович, но нам нужно поговорить...

– Я на каком языке с вами говорю? – глаза майора госбезопасности сузились в щелки. Темно-зеленый китель, увенчанный погонами, был перетянут португеей, но сидел небрежно. Фуражка с красным околышем и синей тульей в перевернутом виде валялась на тумбочке. Ткань мундира была мятой, рукава протерлись. Да, редставление о людях складывается из мелких деталей... – Выйдите в приемную и ждите, когда вас пригласят! Подчиняйтесь, вы здесь младший по званию!

– А так? – Алексей показал корочки.

На зрение майор госбезопасности не жаловался и как-то сник. На мгновение в его глазах мелькнул как бы даже испуг. Майор не подобрел, но стал покладист.

– Прошу прощения за резкость, – проворчал он. – Проходите, присаживайтесь. Позвольте еще раз глянуть на ваш документ... Хорошо, спасибо, Алексей Владимирович. Нам звонили из Кингисеппа по поводу вашего прибытия. Мы, честно говоря, смутно представляем, какой интерес может быть у военной контрразведки к событиям в Гдышеве. Преступность разгулялась не только здесь... Впрочем, не собираюсь отговаривать. Вы один?

– Со мной еще двое, они в коридоре.

– Хорошо... – Корбин выпустил злость, расслабился. – Проблемы, знаете ли, на вверенной территории... Нормально доехали?

– Нормально, – кивнул Алексей. – Был небольшой инцидент, группа неопознанных граждан саксонской наружности сделала попытку не пустить нас в Гдышев. Попытка пресечена, граждане ликвидированы. Спасибо, что спросили.

– Вы серьезно? – Корбин нахмурился. – И кто, по-вашему, эти... граждане?

– Надеюсь выяснить с вашей помощью. Держите, – Хабаров выложил на стол завернутый в клочок газеты предмет. – Это пленка, запечатлевшая образы мертвых бандитов. Надеюсь, в вашей епархии есть возможность ее проявить и распечатать фото. Не в единственном, разумеется, экземпляре. Из троих запечатлены только двое. Третий уплыл по течению, мы не стали его преследовать.

Чувство юмора было явно не тем, чем майор владел в совершенстве. Он опасливо развернул кассету, повертел ее в руках, убрал в ящик стола.

– Хорошо, я распоряжусь.

– И не затягивайте, Борис Михайлович.

– Да, конечно, Алексей Владимирович. Мы окажем содействие. И еще раз простите за то, что сорвался. Вредная работа, бестолковые подчиненные... Вы же не злопамятный?

– Уже забыл, Борис Михайлович. Формально вы правы, я не должен был вторгаться без предупреждения. А форма сотрудников ГУКР не имеет отличительных особенностей. Тоже прошу меня извинить. Могу поинтересоваться, где нас поселят?

– В доме напротив, через переулок. Здание относится к Народной улице, в нем до войны размещалось общежитие рыбного завода. Здание небольшое, но есть свободные комнаты на первом и втором этажах. Татьяна Викторовна вас проводит... Надолго к нам, Алексей Владимирович?

– Жизнь покажет, товарищ майор. Нам поручено расследовать обстоятельства гибели товарищей Перфилова, Корчинского и Сорокина. Это умышленные убийства, не так ли? Вы обязаны быть в курсе.

– Да, это убийства, – майор тяжело вздохнул. – Не понимаю, почему ваше ведомство ими заинтересовалось. Ладно, не мое дело, хозяин – барин. Мы потрясены этими преступлениями, усилена охрана оставшихся должностных лиц, милиция работает круглосуточно... хотя

им не хватает кадров. Расследование ведут опытные сотрудники. Мы помогаем им, насколько можно. К сожалению, я не владею полным объемом сведений по этим делам. Лучше обратитесь к моему помощнику капитану Меркушеву. У нас своей работы невпроворот... – Корбин грузно поднялся, подошел к окну. На подоконнике лежали папиросы и спички. Он закурил, выпустил дым в открытую форточку. Похоже, майор не только попивал, но и имел нездоровые почки – о чем свидетельствовали одышка, грузность в движениях и синие мешки под глазами. – Проблемы на заводе «Вымпел», – пояснил он. – Наше ведомство курирует эту тему. Завод пострадал минимально. Немцы собирались его взорвать, даже заминировали часть цехов, но мы наступали стремительно, и они бежали, не воплотив свои замыслы. Саперы две недели разминировали предприятие. Наркомат обороны отдал распоряжение: к июню завод должен приступить к выпуску продукции. Цеха отремонтировали, оборудование завезли, штат укомплектован... теперь новые проблемы. По территории завода в ночное время разгуливают посторонние, отмечались поножовщина и перестрелка. Охрана поставлена плохо. Арестован начальник охраны Ганицкий – будем разбираться, головоутиение ли это или намеренный саботаж. Пару дней назад еще один сюрприз: в подвале, где хранилась старая документация, произошел взрыв, двое погибли. Сейчас разбираемся: саперы прошляпили мину или была диверсия.

– Вы уверены, что завод с июня начнет работу?

– Это приказ наркома – завод должны запустить во что бы то ни стало. Пусть с недоделками, которые устранят по ходу... Специалисты есть: кто-то остался из прежнего состава – они прошли жесткую проверку; есть люди, прибывшие из Ленинграда, – инженеры, мастера, квалифицированные рабочие. Часть из них живет, кстати, в общежитии, где вы поселитесь.

– Убийства могут иметь отношение к заводу?

– Это выясняется, – майор как-то смутился, опустил глаза. Похоже, «выяснение» проходило формально. Возможно, им действительно не хватало кадров, а также свежих идей.

– Как обстановка в городе, Борис Михайлович?

– Врать не буду, сложная. – Корбин раздавил окурок в стеклянной пепельнице. – Криминал поднимает голову. Был налет на продуктовую базу, постреляли сторожей. Взяли крупы, консервы – действовали с размахом, подогнали к загрузочному люку грузовик. Один из сторожей дополз до телефона, позвонил в милицию, но когда сотрудники прибыли, злодеев и след простыл. Как в воду канули – вместе с машиной и награбленным... Поножовщина случается часто, преступный элемент в темное время нападает на граждан. Пытались обчистить кассу рыбзавода – но спугнул наряд. Жилища горожан взламывают, похищают деньги, одежду, не гнушаются даже старой посудой. После освобождения города сюда потянулись не только мастера и инженеры, но и блатные, урки, разные проходимцы. А они нам как кость в горле – ведь скоро приступит к работе секретный государственный объект. До войны тут десять тысяч проживало, после оккупации хорошо если половина осталась, а сейчас опять понаехали.

– Вы тоже не из местных?

– А что, на мне написано? – Корбин криво усмехнулся. – Да, вы правы, прибыл в город три месяца назад, на плечах, так сказать, наступающего войска. В штате двенадцать человек, включая немощных калек, а работы – гора. Сам я из Ярославля, возглавлял особый отдел одной из воинских частей. Мой заместитель Меркушев тоже не здешний – из Владимира.

– Разрешите, товарищ майор? – Дверь приоткрылась одновременно со стуком, и появился хмурый субъект с погонами капитана.

– Ну вот, стоит помянуть... Подожди в приемной, Игорь Николаевич, мы скоро освободимся.

– Отчего же, проходите, капитан, – встрепнулся Алексей. – Нам все равно придется поговорить. Найдется минутка?

Корбин вздохнул, пожал плечами. Рукопожатие у капитана было крепким, но смотрел он настроенно. О визите контрразведки здесь знала каждая собака. Меркушев не удивился,

слушал внимательно. На вид ему было лет тридцать пять – спортивно сложенный, в отличие от начальника, выше среднего роста, с правильными чертами лица и умными глазами.

– Да, я в курсе событий. Подполковник Перфилов Петр Аркадьевич, к сожалению, убит, отделение милиции временно возглавляет майор Остапенко, у него на весь город двадцать пять человек, включая оперов угрозыска и экспертов... Там история безнадежная, товарищ капитан. Вернее, все три истории безнадежны. Каждый день убивали по человеку. Сегодня... – капитан выразительно посмотрел на часы, – время обеденное, а товарищ Остапенко молчит. Возможно, все живы... прошу прощения за цинизм. В этом городе каждые сутки кого-то убивают, ранят или наносят увечья. Но чтобы страдали высокие должностные лица – такого за три месяца не припомню.

– Что известно по убийствам? С майором Остапенко я поговорю позднее.

– Два дня назад нашли труп подполковника Перфилова Петра Аркадьевича. Проживал по адресу: улица Кронштадтская, 4. Частный дом на холме недалеко от моря. Участок окружен забором, соседи при всем желании не могли ничего видеть. Мужчина проживал один, семьи нет. Жилье скромное, три комнаты, маленький огород. В доме раньше проживала мать Перфилова, скончалась от сердечного приступа полгода назад. Сам он из партизан, имел положительную характеристику. До войны возглавлял в Псковской области отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Накануне поздно пришел с работы – а он всегда ходил пешком, – проводил совещание в отделе. Выглядел нормально, был слегка мрачноват. Утром не пришел на работу. К обеду начали нервничать, выехали по адресу, где он проживал. Замок на двери был открыт, тело лежало на полу в горнице. Одет убитый был в домашний халат. Стреляли в затылок, когда подполковник отвернулся. Можно допустить, что убийцу Петр Аркадьевич знал, впустил в дом, да еще и повернулся к нему спиной. Выстрела соседи не слышали – из чего возникает вывод, что убийца использовал глушитель. Группа угрозыска поработала в доме, опросила соседей – по моим сведениям, важных улик не нашли. Дело чести – раскрыть убийство своего начальника, но так ничего и не смогли выяснить. Возможно, преступление бы раскрыли – не бывает, чтобы не нашлось никаких зацепок. Но следующим утром новое злодеяние, и реагировать пришлось уже на него. Корчинский Владимир Романович возглавил исполком два месяца назад, до этого был заместителем председателя. Товарища Бахмутова перевели в Лугу. Спокойный, рассудительный, член партии с отличными организаторскими способностями. Семьи у Владимира Романовича не было, но имелась женщина, с которой он жил. Законом не возбраняется, – пожал плечами Меркушев. – Тем более они собирались узаконить отношения. Некая Проценко Елизавета Петровна, ей тридцать шесть лет, вдова, недавно переселилась к Корчинскому. Адрес: Советская, 36, это за школой. По ее словам, дело обстояло так. Сожителя привез водитель на «эмке», Корчинский был уставший, разбитый, отказался ужинать. Легли спать, он долго ворочался. На рассвете проснулись от стука. Корчинский вылез из кровати, пошел открывать. Потом вернулся, шепнул Елизавете, что это к нему, все в порядке, поговорит с человеком и вернется. Испуганным не казался. Женщина проснулась, когда взошло солнце, любовника нет – да, похоже, и не было. Встревожилась, походила по комнатам, выглянула на крыльцо – а он там, лежит на ступенях...

«И звезда во лбу горит», – почему-то подумал Алексей.

– Убили выстрелом в голову. То есть стоял лицом к преступнику... Там кусты, деревья, с улицы не видно. Калитка на замок не запирается, то есть злоумышленник спокойно вошел, поднялся на крыльцо, постучал. Елизавета Петровна, похоже, в рубашке родилась. Женщине стало дурно, упала в обморок. Очнувшись, побежала звонить в милицию. Второй день плачет, убивается. Владимир Романович был мужчина видный, представительный. В общем, те силы, что должны были расследовать покушение на Перфилова, бросили на Корчинского. И тоже, насколько знаю, без особых достижений. А вчера опять – был убит Сорокин Ефим Макарович, и не кто-нибудь, а первый секретарь городского комитета партии.

– Тоже без семьи? – спросил Алексей.

– Что? – не понял Меркушев, наморщив лоб. – Вы знаете, да, семьи у Ефима Макаровича нет, он потерял своих родных под бомбежкой в сорок первом. Фото родных стояло у него в кабинете. Как догадались?

– Просто предположил, – пожал плечами Алексей. – История аналогичная?

– Да, кто-то ходит по ночам и убивает ответственных работников. Сорокин проживал на улице Народной, 29. Это не жилой дом, а один из корпусов местной ведомственной гостиницы. Бунгало, так сказать, – пошутил Меркушев. – Раньше домики берегли для гостей – представителей партийного и хозяйственного актива. Простых смертных туда не пускали. Домики уютные, в парке по периметру металлическая ограда. Товарищ Сорокин не местный, направлен на работу в Гдышев приказом ленинградского обкома – вот и получил такое жилье. Первый секретарь – фигура важная, его охранял... наш сотрудник. Он имел свою каморку на входе... – Меркушев поморщился. – Старший лейтенант Истомина.

– Говорили про три убийства, – насторожился Хабаров.

– Жив он... Проявил преступную халатность, возможно, уснул, не дождался смены. Череп фактически пополам, но живой – краем табуретки его ударили. Если выкарабкается, будет арестован и предан суду. А пока он даже в сознание не приходит. Картина схожая. Ефим Макарович только и успел проснуться. Пытался слезть с кровати – под ней и нашли. Пуля пробила висок, вся постель забрызгана кровью... Опергруппа, конечно, отработала, но, сами понимаете...

– Будут оргвыводы, – мрачно изрек Корбин. – Если предыдущие убийства как-то можно замять, то гибель первого секретаря не спишется. Многие головы полетят.

«Но не ваши, – подумал Алексей. – У вас свое начальство и свои компетенции».

– Можно предположить, что убивал один человек, – сделал вывод Меркушев. – Глушитель – штука редкая.

– Это только предположение, Игорь Николаевич, – пробормотал Корбин. Он уже не смотрел с откровенным недружелюбием, но и не светился радушием.

– Да, конечно, Борис Михайлович.

– Я понял, – сказал Алексей. – Не хочу вас задерживать, товарищи. Но завтра еще раз встретимся. Прошу решить вопрос по жилью. Не забудьте про кассету.

– Тогда я пойду? – оживился Меркушев.

– Да, Игорь Николаевич, спасибо за сведения.

Капитан госбезопасности ушел. Корбин исподлобья смотрел на незваного гостя – его присутствие начинало раздражать. «Интересно, не боится присоединиться к мертвым товарищам? – подумал Алексей. – Дело-то серьезное, чем он хуже?»

– Что еще происходило в городе, Борис Михайлович? Я имею в виду события неординарные, которые можно связать с гибелью городского руководства.

– Не понимаю, о чем вы, товарищ капитан, – майор пока терпел – имелись признаки, что визит не затянется. – Я рассказал обо всем, что происходит в городе. Информацию же по моему ведомству разрешите не озвучивать. У вас же нет допуска? В основном она связана с заводом «Вымпел».

– Хорошо. Что по Уваровой гряде? Ее обследовали специалисты? Там размещалась база подводных лодок. Немцы также проводили работы в этом районе.

– Да, надводную часть района военно-морские силы обследовали, – неохотно сообщил Корбин. – Острова осмотрели, высадили людей. Патрульный катер периодически курсирует вокруг гряды, в ночное время проводится осмотр с помощью прожекторов. Не моя епархия, товарищ капитан, поинтересуйтесь у военных моряков. Подводное обследование не проводили. Для этого нужны специальные суда, соответствующие специалисты и снаряжение. Подоб-

ного приказа ВМФ не получал. Его задача – контролировать вход в бухту, и с этим он справляется.

– Хорошо. Нам нужен кабинет. Вы же не отправите нас работать в общежитие?

Судя по ухмылке, которую майор поспешил спрятать, он бы их отправил не только в общежитие.

– Безусловно, Алексей Владимирович. На втором этаже в противоположном крыле есть пустующие помещения. Я распоряжусь. Полного комфорта не обещаю, но будут стулья, столы и электричество. Вода в котле, удобства общие – в конце коридора. Столовая – через дорогу, кормят без изысков, но сытно. Вы же не испытываете крайнюю нужду?

– О нет, мы получили командировочные. Где тела? Не говорите, что их уже похоронили.

– Тела в морге, – майор вздрогнул и как-то беспокойно повел плечами. – Собираетесь с ними поработать? Ну что ж, удачи. Морг городской больницы находится в Садовом переулке – это между улицами Кронштадтской и Зыряновской.

– И последний вопрос. Вернее, просьба. Не могли бы вы на пару минут покинуть помещение?

– В каком это смысле? – майор напрягся.

– В прямом, товарищ майор, ничего иносказательного, – Алексей выразительно глянул на телефон. – Вы храните секреты своего ведомства, мы – своего.

Майор уходил с такой неохотой, будто по углам были запрятаны секреты государственной важности. Дверь осталась приоткрытой. Капитан ждал. Короткая пауза – и дверь вошла в створ. Вряд ли он стал бы подслушивать в присутствии секретаря. Но кто их знает, этих любопытных Варвар? Соединение через коммутатор проходило не быстро. Полковник Вышковец находился на рабочем месте, но такое ощущение, что на луне – судя по обилию помех.

– Я понял, что это ты, капитан! – прокричал в трубку полковник. – Добрались нормально, без эксцессов?

– Да, всего три трупа, товарищ полковник. Вдобавок к уже имеющимся трем. – Он в нескольких словах осветил события у речушки с названием Киржа. – Нас ждали. Продолжаю настаивать, что в штабе «крот». Некто слил в Гдышев сведения о нашей поездке, и от греха подальше нас решили ликвидировать. Вам не кажется это странным, товарищ полковник? Дело не имеет отношения к государственной важности... во всяком случае, нам так казалось.

– Ну и дела... – полковник растерялся. – Объясни, Хабаров, почему с тобой одни проблемы? Попытайся выяснить, кто были эти люди. А в дальнейшем избавляйся от пагубной привычки убивать всех, кто может сообщить что-то ценное. Рад, что вы одержали победу. Будь осторожен и держи меня в курсе событий. Возможно, мы недооценили значимость событий в Гдышеве. В общем, трудись, гнать не буду, поройся в этом гадючнике.

Глава 4

Ответственные товарищи даже после смерти пользовались привилегиями – лежали не на полу, как простые смертные, а каждый на своей полке, укрытый свежей простыней. В морге было холодно, кислород почти не поступал – его заменяли формалин и карболка. На электричестве экономили, стены со вздувшейся штукатуркой озаряла единственная лампочка. В стороне мерцал служитель заведения – бесцветный, худой, с рыбьими глазами. Он возился в шкафу, мурлыча под нос популярную песню из репертуара Утесова. Подобные люди, проводящие все рабочее время с трупами, вызывали искреннее недоумение. Видимо, призвание.

– Товарищ капитан, вы наши желудки решили проверить? – сдавленно прошептал Окулинич. – В боевой и политической подготовке уже проверяли, вам этого мало?

Олежка Казанцев помалкивал, прижал к носу платок, дышал сквозь зубы. Осматривать тела приходилось с фонарем. Блуждающий свет озарял синюшные лица. Подполковнику Перфилову стреляли в затылок. Пуля на выходе расколола лобную кость, но лицо не пострадало. Он казался спокойным, что и неудивительно, человек не ожидал выстрела. Это был невысокий плотный мужчина лет пятидесяти – с круглым лицом и крутыми залысинами. Кожа под щеками одрябла, он напоминал бульдога. Алексей наклонился, чтобы рассмотреть выходное отверстие. В трещинах лобной кости запеклась кровь, ее так и не смыли. Владимир Романович Корчинский был сравнительно молод и при жизни имел презентабельную внешность. Субъект из тех, что нравятся женщинам – хорошо сложенный, густоволосый, с правильными чертами. Пулевое отверстие во лбу особо в глаза не бросалось. Пятки свешивались с полки – значит, роста он был незаурядного. Глаза покойным закрыли – и напрасно, глаза мертвеца способны многое рассказать... Ефим Макарович Сорокин был ниже ростом, но также солидной внешности – немногим за сорок, аккуратно пострижен, скуласт. Внешность хрестоматийного партработника, способного жечь сердца глаголом и вести людей к свершениям. Портрет коммуниста слегка портила перекошенная нижняя челюсть. В отличие от первых двух товарищей он успел испугаться – и даже испытать ужас, когда в его «бунгало» ворвался убийца.

– Что скажете, товарищи офицеры? – Алексей покосился на служителя. Тот пожал плечами и вышел из мертвецкой.

– Ясно, что убивал один человек... – выдавил Олежка. Он продолжал зажимать нос, и выходило гнусаво. – Убивец хороший стрелок. Пусть он бил и с маленького расстояния, но зато в темноте и в самое яблочко.

– Не совсем согласен, – пробормотал Окулинич. – В товарища Корчинского он мог стрелять и с дальнего расстояния – например, из кустов у ограды. Мы не знаем, какую позицию занимал стрелок. С освещенностью тоже непонятно. Перфилов, прежде чем впустить ночного гостя, наверняка включил свет. Корчинский находился на крыльце – его могла освещать луна. Первый секретарь успел подняться. Мог слышать шум – ведь убийца начал с охранника. Что мешало включить свет? Личного оружия, видимо, не было, или не успел им воспользоваться. Но ты прав, Олежка, он хороший стрелок. Бьет без промаха и попадает с первого выстрела.

– Товарищ капитан, пойдете на воздух, – взмолился Казанцев. – Все посмотрели, ничего не упустили. Они же не оживут, чтобы дать показания.

– Слабак, – фыркнул Окулинич. – Между прочим, есть такая завиральная теория, что на радужной оболочке глаза жертвы отпечатывается то, что она увидела перед смертью. Как спуск затвора – щелк, и снимок готов, нужно лишь его проявить, закрепить и напечатать. Товарищ первый секретарь точно видел лицо злодея. Товарищ председатель горисполкома тоже мог видеть...

– Какое же махровое невежество, – простонал Казанцев.

– Нет, братцы, мы пойдем другим путем, – усмехнулся Алексей. – По старинке будем работать – искать улики, опрашивать свидетелей.

Делать в морге было нечего. Мертвые не разглашают секреты – именно оттого такими и становятся. На улице было приятно, дул бодрящий ветерок, шумела листва зазеленевших деревьев. Казанцев шумно выдохнул, бросил в урну платок.

– Пойдем пообедаем? – пошутил Окулинич.

– Шел бы ты со своим обедом, – огрызнулся Олежка.

Подспудные мысли не давали покоя. Словно мертвое городское руководство хотело что-то сообщить – синие лица стояли перед глазами, медленно приподнимались веки, поблескивали глаза, запечатлевшие лик злоумышленника... Работал действительно один человек. Манера исполнения уж больно схожая. Стрелял, по крайней мере, только он.

Миловидная секретарь Татьяна Викторовна послушно выполнила указание шефа: проводила гостей до общежития, решила вопросы с вахтером и комендантом.

– Располагайтесь, товарищ капитан, – она немного смушалась, делала вид, что статный офицер ей ничуть не интересен. – Ваша комната внизу, это не самое худшее помещение, вы даже можете принять душ. Вашим товарищам придется жить наверху – там единственное свободное помещение. Тесно не будет, комнаты просторные.

Женщина помялась, украдкой глянула на постояльца и побежала выполнять свои должностные обязанности. Алексей невольно проводил ее глазами. Возраст не портил женскую фигуру. Она покачивала бедрами – словно знала, что он смотрит.

Душ действительно имелся – тонкой струйкой текла прохладная вода. Местная котельная явно не перерабатывала. Он сполоснулся, лег отдохнуть на скрипучую кровать. Последствия ареста еще сказывались. Ныли кости и суставы, голова была тяжелой. Сон навалился, как хулиганы из подворотни. Алексей в панике вскочил, размял кости, стал натягивать гражданскую одежду – все положенное он привез с собой.

Из армейского облачения остались только сапоги. Клетчатые брюки, пиджак, свитер, кепка, скрывающая ссадину на виске. Он глянул в зеркало и не узнал себя. Турист, ей-богу, прибыл на курорт подлечить старые раны...

Подчиненные в штатском смотрелись также нелепо. По ходу прогулки трижды предъявляли документы. Патрульные удивлялись, но отдавали честь, оставляли в покое. В первый день планировалось осмотреться. Контрразведчики болтались по городу. Машину оставили у особняка на Советской. Эта улица выглядела наиболее прилично. В центре – добротные трехэтажные здания: горком, горисполком, ближе к морю – местный совет народных депутатов. У отделения милиции кипела жизнь – сновали люди в темно-синей форме, водитель во дворе под ругань усатого майора (возможно, Остапенко) доламывал мотор. Прибыла еще одна машина, выгрузились усталые милиционеры и исчезли в здании.

Соседняя Кронштадтская улица была тихой, здесь росли березы, липы, имелся симпатичный сквер со свежими пеньками на месте срубленных деревьев. Бульдозеры засыпали ямы от воронок, кое-где установили фонарные столбы. По тротуарам спешили люди в штатском и военном. Бегали собаки с поджатыми хвостами – на людей они не бросались, от военных с оружием держались подальше. Городок производил сносное впечатление. Разрушенных зданий было немного, мусор вывозили. Кое-где подкрашивали фасады. Трепетали кумачовые лозунги: «За Родину, за честь, за свободу!», «Клянемся победить врага!». На стенах зданий, на афишных тумбах висели плакаты, прославляющие ратный и тыловой труд советских людей. «Все для фронта, все для победы!», «Не забудем, не простим!». На подступах к заводу «Вымпел» тематика плакатов поменялась: «Чтоб путь к победе стал короче, снарядов больше шли, рабочий!»

Часть улицы Лермонтова, где находилось предприятие, была перекрыта, действовала пропускная система. Слоняться без дела было опасно – доказывай потом, что твои удостоверения не поддельные. Заводские корпуса окружали бетонные заборы с колючей проволокой. За

оградой гудели самосвалы, бульдозеры. Оперативники спустились к причалу в восточной части бухты Сарыча. На улице Морской было плотное движение – здесь шел транзитный транспорт. У причала стояли суда – в основном маломерные, старенькие боты, катера, моторные лодки. Часть береговой полосы отгородили и взяли под охрану. Начиналась вотчина ВМФ. У пирса стояли два катера с красными звездами на бортах. Сновали люди в морской форме. Вооруженной публики в городе было с избытком. «У семи нянек так всегда», – подумал Алексей. За пределами причалов и волноломов шумело море, тяжелые волны выкатывались на берег. Пронзительно кричали чайки, вились над водой. Береговая полоса была завалена булыжниками. Несколько минут оперативники стояли, зачарованные зрелищем. Из ниоткуда возник патруль, устремился к «подозрительным товарищам». Видимо, каждый в этом городе мечтал поймать шпиона. Хабаров сделал знак подчиненным: сами разберитесь. Служебные корочки быстро отогнали военных.

Морские виды завораживали. Вздмалась и опускалась гигантская масса. Берег бухты простирался на несколько километров. Щучий залив отсюда не просматривался, его закрыл высокий берег. Слева местность понижалась, хвойные леса выбирались на берег, заваленный камнями. И только в западной части бухты обрывы подрастали, высился маяк, смутно напоминающий шахматного офицера. В дымке виднелись катера на рейде у входа в бухту. Груда каменных островов – Уварова гряда – находилась в шести кабельтовых от берега. Скалы вздымались уступами, заострялись на вершинах, виднелись причудливые полости, словно вычерпанные гигантским ковшом. Между островами петляли проливы. Живописно отделилась от острова часть скалы – словно исполинский слон шагнул в сторону. На скалах имелась растительность. Камни обрастали лишайником, в расщелинах рос искривленный кустарник. Горка островов занимала солидную площадь – порядка трех гектаров. Препятствием для судов она не являлась, и все же капитанам приходилось менять курс на входе и выходе из бухты. Оставалось лишь догадываться, что скрывается в пучинах под этими махинами.

– Считаете, там что-то есть, товарищ капитан? – пробормотал Казанцев, таращась на архипелаг. – Ну, вроде страшных тайн рейха, какой-нибудь секретный подводный завод или тайные лаборатории...

– Считаю, что кому-то пора перестать фантазировать. Страшные тайны рейха оставим на потом, а пока будем разбираться со скучными делами земными. – Алексей тоже не мог оторваться от этого чуда света. Природа явно переборщила, создавая данный ансамбль.

– Раньше туристы из Ленинграда сюда приезжали, – стал просвещать Казанцев. – Тамошние дворцы и парки надоели, тянуло к природе, приезжали целыми экскурсиями – с заводов, школ, институтов. Для них даже две гостиницы в западной части бухты построили – в районе улицы Баррикадной. Не «Националь», конечно, но переночевать можно.

Две гостиницы на Баррикадной действительно были неказистые, трехэтажные, построенные на скорую руку. Однотипные здания связывала пешеходная дорожка со скамьями. В годы оккупации в гостиницах жили солдаты и офицеры вермахта, после освобождения – солдаты и офицеры Красной армии. Вдоль дороги выстроились армейские «эмки» и полуторки.

– Тут столько военных... – озадаченно проговорил Окулич. – И сухопутные, и военноморские. Удивляюсь такому разгулу криминала – почему не обуздают?

– Криминалом милиция занимается, – объяснил Хабаров. – У военных свои задачи. На их территорию шпана и не ползет.

Он глянул на часы. День был на исходе. Часть города осмотрели, уже могли ориентироваться. Переулки, связующие городские улицы, пока не восстанавливали. Проезжая часть – откровенно убогая. Колею в грунте размыли дожди. Самые опасные ямы закладывали кирпичами, деревянными поддонами. Тротуары – символические. Клонились понурые деревья за кривыми оградами. Тянулись бараки, частные дома. Во дворах сохло белье, горланила ребятня. Пожилой мужчина перебирал движок старенькой советской «инвалидки».

– Пересечем Трудовую, Народную – выйдем к городскому рынку, – сообщил Казанцев. – Он между Народной и Советской. Думаю, еще работает, – лейтенант бегло посмотрел на часы. – Прикупиться бы надо, товарищ капитан. Курево, еда, все такое. Не понравилась мне местная столовка. Есть, как говорится, можно, но отравишься.

Боец был прав. Каша, усвоенная организмом, имела «туалетный» вид и странный вкус, далекий от слова «съедобно».

Улицу Трудовую перешли в районе чулочно-носочной фабрики, закрытой на большой амбарный замок. Из-за ограды бдительно смотрел престарелый сторож. Производство на освобожденных территориях восстанавливалось поэтапно, разорваться советская власть не могла. На Народной сохранились довоенные таблички. Эту улицу немцы не стали переименовывать – видимо, слово не вызывало идеологического неприятия. Казанцев повел группу сомнительным проулком, заявив, что так короче. Только шагнули за угол, стали свидетелями некрасивой сцены. Два субъекта криминальной наружности – в кепках, натянутых на глаза, в засаленных пиджаках – прижали к забору испуганного мужчину в шляпе. Сушая классика! У одного из хулиганов в зубах была зажата папироса. Он держал гражданина за ворот, другой рукой обшаривал внутренние карманы и похабно ухмылялся. Приятель с той же гадкой ухмылкой щекотал живот жертвы ножичком. Бедняга не сопротивлялся, догадывался о последствиях. Очки в круглой оправе сползли с носа. Гражданин еле дышал, трясясь от страха. В стороне валялся распахнутый портфель – из него высыпались бумаги. Видно, не нашлось ничего интересного. Хулиган засмеялся, выуживая из кармана жертвы кожаный портмоне.

– Милиция, ни с места! – вдруг вскричал Окулинич и бросился смягчать криминогенную ситуацию в городе.

«Только этого не хватало, – мелькнула мысль у Хабарова. – При чем здесь милиция?»

Двое обернулись, оскалились. Выпало портмоне из дрогнувшей руки субъекта. Окулинич выхватил пистолет, и это бандитам не понравилось.

– Шнырь, атас, мусора! – Налетчик от испуга чуть не проглотил папиросу, отпрыгнул от гражданина в шляпе и прыжками бросился в переулок, откуда минуту назад они атаковали свою жертву.

Второй замешкался, хотел подобрать кошелек. На него налетел Окулинич, отбросил к забору.

– Дай-ка я тоже вмешаюсь, – пробормотал Казанцев и побежал в переулок.

Загремели какие-то баки, посыпался мусор. Оставшийся бандит медленно встал, затравленно озираясь. Вдруг он упал на колени, чтобы поднять нож. Окулинич пнул его по руке. Тот взвыл от пронзительной боли, упал на костлявый зад и привалился к забору, с ненавистью таращась на обступивших его людей. Дернулся – получил по почкам и снова утихомирился, только щерился, демонстрируя зуб из серого металла.

– Чего надо, суки? – процедил урка. – Никакие вы не милиционеры, волчье позорное.

«Какие мы наблюдательные, – оскалился Окулинич, – а если не милиционеры, почему волчье позорное?» За спиной опять раздался грохот – чертыхаясь и спотыкаясь о битые кирпичи, из переулка выбрался Казанцев.

– Ушел, гаденыш. Прыгает, как заяц, не угнаться за ним.

Напрасно обернулись. Фиксатый улучил момент, подскочил. Ахнувший Алексей только и успел отпустить пинка под зад. Вопя благим матом, урка пролетел пару метров, но не упал – оттолкнул ошеломленного Казанцева и пропал за углом. Все произошло в считанные мгновения, сотрудники оторопели. А когда пришли в себя, поздно было рвать и метать. Окулинич дернулся, но плюнул, махнул рукой.

– Нехорошо, товарищи, есть над чем работать, – покачал головой Хабаров. – Действуем неслаженно, допускаем грубые ошибки.

– При всем уважении, товарищ капитан, – буркнул Казанцев, потирая отбитое колено, – но вы даже пальцем не пошевелили.

– А вы на что? Такая простая задача. Ладно, мы не милиция, чтобы бороться с уличной преступностью.

Гражданин в шляпе все еще тряся. Он сидел на коленях и сгребал в портфель рассыпавшиеся бумаги. Очки свалились с носа, он заморгал, стал шарить по земле рукой, нашел утрату, нацепил на нос. Щелкнул застежкой портфеля и бросился поднимать портмоне.

– Господи, как я благодарен, товарищи... – заикаясь, пробормотала несостоявшаяся жертва. – Они бы убили меня, это такие люди, для которых человеческая жизнь ничего не стоит... Ума не приложу, откуда они взялись, шел, никого не трогал, налетели, как коршуны, прижали к стеночке... Спасибо вам огромное, товарищи...

Он распрямылся, облизнул губы. Не сказать, что гражданин выглядел карикатурно, но как-то необычно для этих мест. Явный интеллигент – такие не только сдачи не дадут, но и матом не ругнутся. Щекастая физиономия, очки, дурацкая шляпа. Плащ был расстегнут, одна из пуговиц болталась на честном слове. Он носил короткие, как у клоуна, брюки – из них торчали носки. Оперативники с любопытством разглядывали испуганного человечка.

– Я Сикорский, – поспешил представиться гражданин. – Инженер Сикорский Даниил Евгеньевич, имею научную степень по химии, сам из Сестрорецка, прибыл в Гдышев с тамошнего химического завода. Буду работать на «Вымпеле», имею приглашение возглавить один из научных отделов... Прибыл только позавчера, пока плохо ориентируюсь в городе, шел на съемную квартиру, которую подготовило начальство, – и вот пожалуйста...

– Военная контрразведка Смерш, гражданин Сикорский. – Алексей показал удостоверение.

Обладатель знаменитой фамилии снова начал зеленеть. Слово из пяти букв, произнесенное незнакомцем, было не самым желательным в этой стране.

– О, мой бог... вы собираетесь задержать меня, товарищ? – голос инженера окончательно сел.

– А есть основания? – строго спросил Алексей.

– Что вы, конечно, нет... Я законопослушный гражданин, никогда не делал ничего предосудительного, буду работать в закрытом отделе при заводе... но пока еще не работаю, официально трудоустроен с понедельника... А эти бумаги в портфеле... – Сикорский стал судорожно клацать застежкой. – Это мои личные рабочие записи, в них нет ничего секретного. Неужели я бы вынес с завода что-то секретное? – Сикорский стал вытаскивать свои бумаги.

– Оставьте, Даниил Евгеньевич. Нам нет дела до ваших бумажек. Можете идти. А в следующий раз старайтесь выбирать более людные маршруты. Впрочем, вы уже научены, вижу по лицу.

– Да, спасибо вам огромное, всего хорошего, – мужчина, озираясь, засеменил прочь.

– Ох уж эта вшивая интеллигенция, – бросил, сплевывая, Окулич. – Не люди, а беспомощные дети. Слово скажешь – уже трясутся. А без них ведь нельзя – кто, если не они, будет продвигать советскую науку?

– Хоть это понимаешь, – усмехнулся Хабаров. – Размяли кости, товарищи офицеры? Веди, Казанцев, на рынок, а то рискуем остаться без ужина.

Базар шумел на пустыре, опоясанном забором. Здесь установили торговые ряды, несколько киосков. На северной части пустыря жались в кучку складские строения. Торговцы еще не разошлись, покупателей тоже хватало. Изобилия не наблюдалось, цены были конские, но хоть какая-то отдушина для задавленного нехваткой продуктов народа. Продавали прошлогоднюю картошку, брюкву, свеклу, репу. В киоск с мясными изделиями выстроилась очередь. Худая, как швабра, «коммерсантка» выставяла на лоток банки с квашеной капустой – воз-

можно, еще довоенные. Горожане несли на базар ненужные вещи: книги, одежду, предметы обихода надеясь обменять их на продукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.